

Текст 3. М. М. Пришвин «На своих двоих»

Есть ложное представление, будто город убивает чувство природы.

Я думаю, напротив: город воспитывает естественное чувство, и если мы называем землю матерью, то город — учитель и воспитатель этого чувства к матери земле.

Я бы мог доказать это исторически, проследив, например, в живописи, как возникал интерес к пейзажу с развитием жизни больших городов, но как-то проще выходит, если говорить о собственном опыте.

Ранней весной я испытывал такое сильное желание странствовать, что становился больным и неспособным к работе. Будь у меня крылья — я улетел бы с птицами, будь средства — поехал бы открывать тогда ещё не открытые полюсы, будь специальные знания — примкнул бы к научной экспедиции. Но не говорю уже о крыльях — не было у меня ни денег, ни полезной специальности. Много мне пришлось побороться с жизнью, пока, наконец, я не овладел собой и сначала научился путешествовать без денег, а потом и летать без крыльев — писать о своих путешествиях.

И трудно же было усидеть в Петербурге весной. Бывало, ночью откроешь форточку и слушаешь, как свистят пролетающие над городом кулики, как утки кричат, журавли, гуси, лебеди — такой уж этот город, окружённый огромными, неосушёнными болотами, что, кажется, вся перелётная птица валит по этому рыжему от электричества небу. Бывало, расскажешь про такое что-нибудь в обществе — и так этому удивляются...

Купил я себе за двенадцать рублей дробовую берданку, синий эмалированный котелок с крышкой, удочки, разные мелочи и начал путешествовать. С тех пор ни одной весны я не пропустил, и все вёсны были такие же разные, как посещённые мною края: каждая имела своё лицо.

Все обычные путешествия имеют к моему путешествию такое же отношение, как дачная жизнь к обыкновенной трудовой жизни, потому что добывание по пути средств существования ставило меня в такие же условия, как перелётных птиц, тысячи вёрст до мозолей махающих крыльями. Конечно, без риска ничего не выходит, и моё путешествие без денег тоже рискованное предприятие, но зато когда одолеешь, то непременно сверх лишений остаётся, как у матери ребёнок, большая, прочная радость. Помню, я оплавал почти всё Белое море и по Северному океану довольно много в России и в Норвегии, пользуясь местными оказиями рыбаков, добывая себе пищу почти исключительно охотой и милостью людей за случайные подмоги.

Приходилось ночевать и на лодке, и под лодкой, и на песке под парусом, и раз даже схватить за ногу через дырочку в парусе токующего на мне самом тетерева.

И чего только не бывало во время этого звериного сна, когда спишь и в то же время знаешь, что вокруг тебя делается. Но никогда я не заботился, чтобы собирать материалы для повести, никогда бы у меня из такого путешествия не вышло ничего хорошего, потому что оно бы не было тогда свободным и большое великое должно было бы подчиниться малому личному. Я заботился только о добросовестном изучении местной жизни, слушал всё с вниманием и заносил иногда на лоскуток бумаги (часто папиросной) интересные мне слова.

Трудно так путешествовать, но что же делать! Попробуйте соединиться с ихтиологической экспедицией на Мурман — и вы узнаете жизнь трески; поработайте с поморами на их первобытной шняке в океане по улову этой самой трески — и вы узнаете жизнь всего края через жизнь трудового человека.

Если бы жизнь пришлось повторять, я непременно бы сделался краеведом, но не таким, какие они есть — учёные-специалисты, или энциклопедисты, а таким, чтобы видеть лицо края. Многие думают (и этот предрассудок широко распространён), что если изучить край во всех отношениях и эти знания сложить, то получится полное представление о том или другом уголке земного шара. Но я думаю, что сложить эти разные знания и получить из них лицо края так же невозможно, как сотворить в колбе из составных элементов живого человека. Сколько вы ни изучайте край и сколько вы ни складывайте полученные знания, всё-таки непременно останутся места, наполнить жизнью которые может только простак, сам обитатель этого края. Вот мне и кажется, что настоящий краевед должен исходить не из своего знания, например, какой-нибудь ихтиологии, а из жизни самого простака (я не люблю слово «обыватель»). Для этого, скажут мне, существует наука этнография, но и про этнографию я скажу то же самое: живую жизнь она пропускает; для того чтобы схватить живую жизнь, нужно найти секрет временного слияния с жизнью самого простака; самое трудное в этом слиянии, что его нельзя задумать и осуществлять по программе: нужно, чтобы оно выходило из всей натуры тебя самого. В путешествиях, которые, очевидно, и есть моё призвание, я этого иногда достигал, и думаю, что если нарочно не засмысливаться, то множество людей могут черпать в трудовом опыте ценнейшие материалы. На это мне делали возражение, что для использования трудового опыта должно быть наличие художественного дарования — удел очень немногих. Я согласен, что в известном кругу общества художественный синтетический дар действительно имеют очень немногие, но в простом трудовом народе, причастном к стихии, он есть общее достояние, как воздух и вода.

Михаил Михайлович Пришвин — русский писатель, прозаик и публицист.

